

УДК 330.8 (082)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: «МЭЙНСТРИМ» И «ЭВОЛЮЦИОНИЗМ»¹

© 2015 г. О. С. Сухарев

Институт экономики РАН, г. Москва

Рассматриваются методологические проблемы современного экономического знания, адекватность критики «мэйнстрима» со стороны эволюционных экономистов и институционалистов, возможности неоклассического направления анализа и его вклад в экономическую науку. Исследуется вопрос о том, способна ли эволюционная экономика, в частности, ее инновационное направление, составить основу нового «мэйнстрима», вводится понятие «эффекта моды» в науке, как явления, отражающего накал методологических дискуссий, а также формулируется фундаментальная методологическая проблема экономической науки с указанием общего подхода для ее разрешения.

Ключевые слова: «мэйнстрим»; «эволюционизм»; методология; эффект моды; фундаментальная методологическая проблема.

The methodological problems of modern economic knowledge, the adequacy of criticism “mainstream” by evolutionary economists and institutionalists, opportunities neoclassical direction analysis and its contribution to economic science are reviewed in the article. Author examined the question of how can the evolutionary economics, particularly its innovative direction, form the basis of the new “mainstream”, introduces the concept of “fashion effect” in science, as a phenomenon, reflecting the intensity of methodological discussions, and formulated the fundamental methodological problem of economics, indicating a common approach to its solution.

Key words: «mainstream»; «evolutionism»; methodology; the effect of fashion; the fundamental methodological problem.

1. «Мэйнстрим» и его возможности

«Мейнстрим» или основное течение в экономическом анализе, имело бурный расцвет на протяжении XX века. В период 1970–1980-х гг. наблюдается особое усиление позиций «новых» классиков, в том числе за счет апробации их теорий в политической практике. Существуют разные точки зрения относительно включения в «мэйнстрим» кейнсианства и его разновидностей. Есть мнение, выделяющее неоклассику, кейнсианство, марксизм и институционализм в виде отдельных

четырех парадигм экономической теории. Марксизм и институционализм требуют отдельного разговора. А что касается неоклассики и кейнсианства, то общие исходные посылы, исходные принципы довольно близки, хотя отдельные установки, появляющиеся уже в ходе проводимого анализа экономики противоположны. Вместе с тем, и принцип ограниченности ресурсов, независимости потребителя, рационального его и эгоистичного поведения являются общими. Различия сводятся к трактовке взаимосвязи системных параметров, таких как процент, инвестиции,

¹ Доклад на «Неделе инженерной экономики» в ЮРГТУ (НПИ), 18–22 мая 2015 г.

динамика цен и продукта, инфляции и т. д., эластичностей кривых спроса и предложения на товарном и денежном рынке и др. Таким образом, появляется разница в трактовке стремления к равновесию, отклонения от равновесия. Но Дж. М. Кейнс жил в период главенства экономики Маршалла — Вальраса, бесспорно, находился под влиянием этих идей и, несмотря на отступление от некоторых взглядов, не мог преодолеть общую равновесную парадигму анализа рынков и экономических изменений, особенно в части заработной платы процента и занятости. В связи с указанными причинами можно считать, что кейнсианство принадлежит «мэйнстриму». Более того, именно кейнсианские рецепты экономической политики во второй половине 20 века, усиленные развитием информационного сектора и технологическими прорывами 1990-х гг. породили режим долговой экономической системы, причем, интересно отметить, что полное главенство неоклассики в 1980–1990-е гг. не смогло выправить ситуацию, только усугубив ее по причине резкого увеличения отрыва в развитии финансов и так называемого реального производства.

В «мэйнстриме» центральным аппаратом анализа выступает анализ рынков. Кривые предложения и спроса пересекаются в точке, отражающей равновесную цену и равновесное количество продаваемых товаров. Это равновесие может быть нарушено в результате изменения факторов, вкусов потребителей, изменения издержек производства, изменения технологий, психологических сдвигов и т. д. В этом случае реальная цена будет отличаться от равновесной. Равновесие называется устойчивым, если отклонение от него сопровождается возвращением к первоначальному состоянию. В противном случае оно называется неустойчивым. Стабильность этого равновесия зависит от продавцов и покупателей. Относительно проблемы равновесия и отклонения имеются два подхода.

Во-первых, Л. Вальраса — Дж. Хикса. Когда преобладает спрос, покупатели стремятся увеличить закупки, цена возрастает. В этих условиях рынок стабилизируется, и наоборот, если спрос меньше предложения, то продавцы стремятся снизить свои цены и избыток предложения исчезает. Ситуация

полностью определяется наклонами (эластичностью) кривых спроса и предложения.

Во-вторых, А. Маршала. В том случае, когда цена, по которой покупатели готовы заплатить за данное количество товаров выше цены, приемлемой для продавца, следовательно, производство расширяется. Равновесие будет устойчивым, если увеличение объема выпуска продукции сокращает разрыв между теми и другими ценами [1].

При неравновесной ситуации, а экономика обычно находится именно в неравновесной ситуации, смещения спроса и предложения происходят перманентно под действием указанных выше факторов. Подлинная теория экономики — это теория, обобщающая факторы, определяющие направление и скорость такого движения. Экономическая система может двигаться к потенциальной точке равновесия, либо удаляться от нее. Проблема методологии неоклассики в том и состоит, что эту потенциальную точку невозможно определить, поэтому и позиционировать экономику, насколько она далека или близка к этой гипотетической точке практически невозможно. Тогда комплекс задач экономической политики становится бессмысленным, если исходить из равновесного представления, либо из неравновесного, так как неравновесие требует определение расстояния от точки равновесия, к которой надо якобы стремиться. Если эту точку установить невозможно, как можно стремиться к тому, что непонятно где находится, и не ясно какими методами можно туда прийти, и как долго, если и прийти, там нужно находиться и можно ли находиться сколь угодно долго? Проблема еще и в том, что данная точка лишь гипотетически, точнее математически будет означать использование ресурсов с наибольшей эффективностью. Она будет лишь математически означать, что благосостояние в этой точке наибольшее, раз ресурсы и доходы распределены эффективно. Однако, данная эффективность ущербна. Эффективно в точке равновесия распределены ресурсы с позиций формулировки критерия эффективности. Если экономическая система находится в состоянии перманентных изменений, то сами эти изменения способны изменять благосостояние и определять распределение ресурсов. Иными словами, не статичное состояние опреде-

ляет эффективность, то есть не точка равновесия, а динамический процесс изменений приводит или уводит систему от состояния наибольшей эффективности, которое абсолютно не совпадает с точкой равновесия. Вот в чем состоит основная проблема. Кстати, интуитивно, видимо, понимал Дж. М. Кейнс, проблема ликвидации разрывов между спросом и предложением, а также появившиеся понятие естественного уровня безработицы говорит, по сути, о приемлемости и допустимости неравновесного состояния. С точки зрения деталей ценно наличие разрыва с одной или другой стороны от точки равновесия в знаменитом «кейнсианском кресте». Задачу измерения таких разрывов решали представители шведской макроэкономической школы, причем безуспешно.

Экономическая наука всегда развивается так, что она не может точно предвидеть изменения, а когда они наступают, то именно не укладывающиеся объяснения и описания в рамках прежних теоретических схем, вызывают потребность изменений в экономическом знании, коррекции подвергается сама экономическая наука. Такой порядок вещей и развития экономической науки пока остается непровержимым. Это имманентная характеристика использования и совершенствования экономического знания. Поэтому «мэйнстрим», также как и эволюционная экономика, которая в подлинном смысле противостоит «мэйнстриму» парадигмально, на уровне исходных положений, изменяется, совершенствуется свой собственный аппарат. Нельзя предъявлять методологические претензии, полагая, будто ситуация остается прежней, на самом деле это не так.

Квинтэссенция «мейнстрима» — это известная книга А. Самуэльсона «Основы экономического анализа» (1947 г.), где отстаивается использование концепции равновесия, дается аргументация того, что экономические проблемы могут рассматриваться как задачи максимизации и минимизации, то есть поиска некоего оптимума. Теория поведения

потребителя и фирмы — есть приложение методов условной максимизации (с ограничением). Этот аппарат служит инструментом предсказания. В науке получил основополагающее значение принцип П. Самуэльсона, который по праву можно считать оплотом современной неоклассики и неоклассического синтеза.

Его формулировку можно представить так: если заведомо предполагать процесс развития экономической системы устойчивым, то малые изменения параметров приводят только к плавным изменениям переменных. Никаких внезапных изменений не происходит. Тогда процесс развертывания кризиса является ярким симптомом нарушения этой устойчивости. Справедливость «принципа» зависит от предварительного предположения об устойчивости экономических систем.

Самый популярный метод в «мэйнстриме» — сравнительный статический анализ, суть которого заключается в изучении влияния сдвига значений экономических параметров на функцию экономической системы. Цель этого анализа заключается в том, чтобы определить, как изменяется равновесие в результате экзогенных воздействий. Но «мэйнстрим» абсолютно не лишен динамической постановки задачи. Большая часть моделей экономического роста, исходным пунктом которых приняты предложения Р. Солоу, являются динамическими моделями. Большая часть параметров этих моделей признаются функциями времени. Кроме того, сдвиг кривой спроса и предложения также создают динамическую версию изменения точки равновесия.

На современном этапе экономическая наука как методологическая система представляет собой соревнование двух парадигм: неоклассической, что собственно и принято считать «мэйнстримом» и эволюционной², отстаивающих различные взгляды на процесс социально-экономических изменений.

Современная экономическая наука оказывается в довольно сложном положении.

2 Часто приходится встречать наименование «институционально-эволюционная парадигма». Это несколько не меняет существа дела. В экономической науке стало модно устраивать терминологические споры и уточнения, абсолютно не продвигаясь вперед по существу решения каких-то задач и вопросов, стоящих перед наукой. Кстати, это обстоятельство некоторую часть представителей исследовательского сообщества в экономике, заставляет полагать, что как ни называй, как ни обозначай терминами и понятиями какие-то объекты, яв-

Знание, которое она предоставляет, становится все более фрагментированным, справедливым только на сравнительно небольшом историческом интервале. Релятивность экономической науки и ее плюралистичность возрастают. Закономерности, установленные на изучении одних экономических систем, не подтверждаются на других, либо быстро утрачивают значение для рассматриваемой системы. Значимость и эффективность использования экономического знания снижаются, теории операционализируются, порождая острую потребность в новых теоретических обобщениях и интерпретациях. Но эта потребность ничем не подкрепляется, так как быстро изменить теорию, когда наблюдаешь быстрые изменения в экономике, совсем не легко. Такая задача вообще не стояла перед нашими предшественниками, которые наблюдали вполне размеренную жизнь по сравнению с тем, что наблюдается сегодня. Целые области изменений человеческого общество не контролирует сегодня и, применяя модный термин, даже не успевает осуществлять полноценный мониторинг этих изменений.

Плюрализм, релятивизм и фрагментарность теории определяют замещение принципа единства теории принципом сосуществования конкурирующих концепций, что в итоге делает аппарат экономической науки эклектичным. Наука с большим трудом объясняет современные кризисы и совершенно не дает возможности их точно прогнозировать. Многие ведущие экономисты говорят о наличии кризиса экономической науки, который не сводится уже к знаменитому «спору о методе», а состоит в невозможности объяснить современные явления и дать адекватные решения. Возникает «шарахание» от неоклассических методов регулирования к кейнсианским, в основном без понимая того, что стало с экономикой и ее агентами, чем обусловлены изменения и эффекты ими порождаемые.

Причина всех этих проблем, на мой взгляд, кроется даже не в неадекватности неоклассических моделей экономической теории, в не-

способности объяснять процессы реструктуризации хозяйства, поскольку экономической политики в них отводится роль экзогенного фактора, фирмы предстают в качестве однородных субъектов, стремящихся исключительно к максимизации прибыли, информация считается полностью доступной и практически бесплатной, а экономическая система — стремящейся к равновесию, а состоит в сложности самих изменений и поведении экономистов-исследователей, желающих статически зафиксировать отдельные доктрины, включая неоклассику. «Мэйнстрим» уже давно не тот, коим мы хотим его представить, а граница между различными теориями становится расплывчатой.

Психологические изменения наблюдаемы, а роль психологии раскрыл еще Дж. М. Кейнс, говоря о предпочтении ликвидности, о «ловушке» и о поведении агентов в части распределения элементов богатства. Кроме того, Дж. Тобин, развивая портфельный метод анализа, также вводил представления о том, как поступают агенты относительно сбережений, распределения ресурсов своего портфеля. Кстати, поступят ли эти же агенты предопределенным образом, зная о самой портфельной теории, — совсем не факт. Их предпочтения могут быть скорректированы на величину знаний о портфеле, а повод или мотив поведения — измениться. Иногда возникают модели поведения, направленные нарочно против соблюдения какого-то условия, например, портфельного выбора. И такое поведение может случайно, либо нет, оказаться успешным просто потому, что большая часть агентов не догадалась в какой-то момент времени так поступить. Это обстоятельство крайне важно.

Считается, что и классические теории финансов и финансовых рынков, а также финансовая математика, описывающая риски, доходы, модели поведения и стратегии является неадекватной, потому показала неэффективность при мировом кризисе 2008–2010 гг. Дж. Акерлоф и Р. Шиллер в ответ

ления, и так далее, но, если это не приводит к решению поставленных задач, то смысл таких упражнений теряется. И если, наоборот, какое-то новшество, будь терминологическое или иное обеспечит решение данных задач, то автоматически сам факт решения обозначит целесообразность подобных изменений. Однако, трудность здесь в том, что доказать связь между решением и предварительными уточнениями, терминологическими новшествами совсем не просто.

предложили «новую макроэкономику», которая призвана включить фактор «доверие» в макроэкономические модели, но по сути это означает лишь коррекцию неоклассических моделей за счет некоего психологического фактора. Трудность здесь состоит, как в агрегации доверия на макроуровне, так и в том, что доверие на разных рынках представляет различные виды доверия. Единый подход здесь вряд ли возможен. К тому же для экономического анализа важна не столько поведенческая макроэкономика, основы которой еще были сформулированы ранее в теориях адаптивных и рациональных ожиданий, а скорее «структурная» макроэкономика, которая определяет соотношение между элементами системы и их развитие, и пропорции между группами релевантных агентов, реакции которых существенны на макроэкономическом уровне анализа. Данная психологическая реанимация или коррекция «мэйнстрима» сталкивается с проблемой агрегирования доверия, измерения доверия на различных рынках и секторах хозяйственной системы. Введение психологических факторов и институциональных условий в модели неоклассики, конечно, способно полностью преобразовать, изменить аппарат «мэйнстрима». По крайней мере, продвинуть его в сторону большего правдоподобия. С этим трудно поспорить, как и с тем, что трудности такого пути столь же очевидны, сколь и ожидаемые «радужные» перспективы.

Вместе с тем, нужно отметить, что пренебрежительное отношение к «мэйнстриму» только потому, что в период кризиса отсутствовали должные предостережения о его начале, либо потому, что принципы мэйнстрима неадекватны, либо потому, что эти принципы были применены не совсем к месту, например, для постсоветских стран и проведения в них реформ, не означает того, что это направление, «парадигмально» довольно сильное, не ввело в экономическую науку базовый методологический каркас, от которого в конечном счете в дальнейшем отталкиваются все научные школы экономических наук. Это достижение никуда не отбросишь. Более того, любое направление науки, как бы ни были условны исходные его позиции и допущения, дает все-таки некие реше-

ние, обладающие полезностью. В частности, «мэйнстрим» благодаря хорошо развитому статическому методу разработал теорию эффективности экономики, теорию передаточного механизма экономической политики, которую постоянно совершенствовал и, собственно, добился высокого влияния на правительственные круги и принятие решений. К тому же, первые модели, объясняющие экономический рост как феномен нового времени и новой фазы хозяйствования предполагали использование аппарата эконометрики, но и «мэйнстрима». Даже такой институционалист как С. Кузнец применял обычный описательный метод исследования экономического роста, но взаимосвязи между параметрами растущей экономической системой устанавливал посредством общих принципов мышления, заложенных еще в рамках «мэйнстрима». Единственное, где «мэйнстрим» имеет не такие ошеломляющие достижения — это теория развития экономики, потому что сводит проблему развития к проблеме экономического роста и его факторов. Это не является никакой патологией, вполне допустимо. Однако, как я покажу позднее, эволюционная экономика, которая вроде бы по замыслу должна дать более определенные результаты в части теории развития, по крайней мере, в шумпетерианском и неошумпетерианском прочтении, не может похвастаться уж такими ошеломительными по своей результативности достижениями. Кроме того, эволюционная теория развития экономики имеет ряд существенных оговорок и не может быть признана универсальной теорией даже в рамках этого направления науки, занимающегося проблемами хозяйственного развития. Рост является важнейшим феноменом развития в современную хозяйственную эпоху. Это свойство поведения многочисленных хозяйственных систем, причем такое свойство, которое возведено в ранг целей государственной политики многих стран мира, если не сказать, что абсолютного большинства стран. Поэтому часто развитие сводят к экономическому росту. Как минимум, рост становится необходимым условием развития, в связи с чем приведенная трактовка справедлива.

Я привожу эти доводы не для того, чтобы защищать тот объект, который на самом деле

в защите не нуждается, а для того, чтобы показать абсурдность дискуссии, не умолкающей до сегодняшних дней, сводящей проблему к утрате позиций «мэйнстримом», к его неадекватности, к появлению якобы нового «мэйнстрима» в лице эволюционной экономики. Активным инициатором такой дискуссии является видный старый институционалист нового времени Дж. Ходжсон. Нужно сказать, что и автор данной статьи был также не объективен в оценках «мэйнстрима» и упрощенно трактовал его роль и значение в развитии экономического анализа и знания. Потребность переосмыслить эту роль и посмотреть на развитие экономической науки с позиций текущего момента, подвергнув коррекции и свои собственные взгляды и оценки, привела к необходимости написания данной работы, назначение которой я вижу в том, чтобы придать упорядоченность и точность оценок современного состояния методологии экономического знания и возможностям экономической науки, не абсолютизируя, а правдиво оценивая эти возможности, не впадая в модную полемику о кризисе науки и ее методологии³.

Итак, заслуга «мэйнстрима» может быть измерена следующими положениями:

— созданием «каркаса» экономического знания, базовых исходных предпосылок и моделей, развитие и изменение которых составило содержание иных исследовательских программ и научных школ, в том числе и тех, которые противопоставили себя «мэйнстриму»;

— разработкой общих исходных предпосылок моделирования, с возникновением потребностей в эконометрике;

— применение научного метода познания социально-экономических явлений и разработка вполне действенных для своего исторического периода времени объяснительных и описательных схем и моделей, влияющих на подготовку правительственных решений;

— расширение проблематики экономического анализа от рассмотрения проблем накопления и использования богатства, до про-

блем бедности, безработицы, цен, капитала, производства, обмена, распределения, торговых, валютных кризисов, экономического развития (роста), организации рынков, монополизма, эксплуатации, равновесия и устойчивости экономической системы и др.

«Мэйнстрим» стал сам неудовлетворен концепцией равновесия, моделями, которые реализовывали эту концепцию. Поэтому утверждать, что этот аспект являлся негативным и заставил представителей «мэйнстрима» совершенствоваться, также нелепо и бессмысленно, как утверждать или для нынешнего момента — гадать, что заставит совершенствоваться эволюционную экономику. Ведь длительные интервалы времени также трудны в исследовании, как когда-то было трудно проводить анализ без моделей равновесия. Полагаю, что мэйнстрим не готовил никакого плацдарма для вторжения эволюционной и институциональной парадигмы. Это вторжение осуществилось более 110 лет назад с работой Т. Веблена, почему экономика не эволюционная наука, а также с работами А. Смита и Ч. Дарвина. Применение биологических аналогий автоматически модифицирует исходные принципы, но никак не разрывает континуум самого экономического знания. При одних описаниях уместно сохранять логику равновесных рассуждений и такую же стилистику научного текста, при других — важно употребить биологические сопоставления, реализовать идею жизненного цикла, но исходный аппарат экономического анализа, используемый в «мэйнстриме» сохраняет свое значение. Кстати, как комплекс исходных проблем, с которых начала свое становление экономическая наука, а именно проблемы богатства, накопления капитала, ресурсной эффективности.

К счастью, ни эволюционизм с институционализмом не движется в сторону «мэйнстрима», ни обратного движения также не следует различать. Происходит общее движение экономического знания, обретающее вид его развития — повышения адекватности и результативности применения. Поэтому я вы-

3 Хотел бы подчеркнуть, также, что у меня не стояла цель делать обзор научных источников, касающихся дисциплины «экономическая методология». Задача заключалась в том, чтобы показать авторское видение так называемых методологических проблем современного экономического знания, науки.

нужден не согласиться в этой части с Дж. Ходжсоном, который, якобы, обнаруживает такие движения, четко проводя некие разграничительные линии, столь же бесполезные сколь и необоснованные. Факт движения, точно так же как и факт кризиса науки установить трудно. Кроме того, зачем именно так ставить проблему динамики экономических знаний? Дж. Ходжсон в своей статье «Институциональная и эволюционная экономика как новый «мэйнстрим»?» ставит знак вопроса, но оговаривается в тексте самой статьи, что, по всей видимости, в будущем нет уверенности в сохранении знака вопроса в наименовании статьи [2].

Три совершенно неверных тезиса бросаются в глаза, когда знакомишься с этой статьей.

Во-первых, считается, что существует неудовлетворенность неоклассическими подходами, то есть «мэйнстримом», но разве имеется такая уж неудовлетворенность эволюционной экономикой или институционализмом? Неужели их развитие с методологической точки зрения не имеет проблем?

Во-вторых, требует уточнения тезис о господстве неоклассических подходов и необходимостью их замены за счет разработки обязательно альтернативных теорий. При этом Дж. Ходжсон опять привязывается к равновесию, новые теоретические альтернативы должны увести аппарат науки от равновесия. А если жизнь или процедуры равновесны — как быть? Ведь бюджет строится по принципу дихотомии — значит, равновесия. Платежный баланс — аналогично. Да и две базовые компоненты экономического анализа, спрос и предложение, представляют две чаши одних и тех же весов. Зачем трактовать создание такой теоретической альтернативы как некую победу? Это вопиющее непонимание процессов генезиса и развития самого знания об общественной системе и, конкретно, знания экономического.

В-третьих, междисциплинарный диалог наук необходим, и он происходит исходя из задач исследований и возможностей, которые проявляют представители этих междисциплинарных наук, но реорганизация и использование различных знаний не будет происходить в силу рекомендаций какого-то «круп-

ного» специалиста, а в силу необходимых обстоятельств применения этих знаний в конкретных задачах исследований. При этом такое взаимное проникновение вряд ли будет означать пересмотр природы общественных наук. К тому же эмпирические исследования и исследования в области принятия решений имманентно подключают к экономике социологические методы познания, право и психологию. Вызывающей крупными вопросами выглядит классификация Дж. Ходжсона, когда по оси абсцисс откладывается число агентов, по ординате — степень знания и рациональной расчетливости агентов (актеров), сама же диаграмма отражает якобы области исследования экономической теории. Для простой монополии, совершенной и несовершенной конкуренции степень знания почему-то отсутствует, для институциональной и эволюционной теории, где действуют ограниченная рациональность, согласно Дж. Ходжсону, привычки и правила, степень знания и рационального расчета — повышается, а наибольшую степень расчета для наибольшего числа агентов (актеров) демонстрирует теория рациональных ожиданий, теория игр характеризуется наибольшей степенью знаний и рационального рассмотрения. Как видим, натянутость такой классификации, большая условность ее не требует даже обоснования, потому что очевидна. Теория игр совершенно не означает, что участники игры обладают достоверным знанием, и что при несовершенной конкуренции эти знания минимально относительно тех предпосылок, что рассматриваются в теории игр. Сама эта конструкция выглядит как неживая «модель-схема» условно-классификационного характера, упрощающего и континуум экономической теории и сразу программирующей неверные или не всегда подтверждаемые, как минимум, установки-условности. Теория рациональных ожиданий не оценивает знаний агентов как таковых. Она говорит лишь о том, что они быстро реагируют исходя из своих выгод и оценки ситуации, связанной с их ожиданиями, обращенными в будущее. В теории адаптивных ожиданий агенты, наоборот, реагируют исходя из своего прошлого опыта, подстраивая свои реакции под этот опыт, перенося его на будущие события. В этом состо-

ит принципиальная разница двух похожих, но кардинально различных теоретических подходов. При этом данные подходы совершенно не рассматривают изменение знаний агентов. Теории рациональных и адаптивных ожиданий, по сути, являются макроэкономическими — им интересны поведения в агрегированном виде, то есть реакции, способные воздействовать на совокупный спрос и предложение, что изменяет направление движения экономической системы. Уточнение того, как соотносятся ожидания, какие ожидания преобладают, каким образом агенты обрабатывают информацию, однородным ли знанием обладают — это своеобразное «копание» в допущениях модели экономики, которая рассматривается. Само по себе это полезно, но насколько усложняет модель подобное изменение допущений. Теория игр в целом и целом не рассматривает большое число агентов, она ориентирована на микроэкономический анализ, но исходит часто их похожих допущений, что и теория рациональных ожиданий. Здесь особый интерес приобретает учет агентами стратегических перспектив других агентов, их предпочтений, выбора, и принятия ими решений. Это полезно при микроэкономической ориентации подхода, но на макроуровне такую работу, пусть и при совершенной математике, осуществить трудно. Относительно знаний агентов, конечно, делается весьма натянутое допущение. Проблема в том, что нужно исходить из сложности реального выбора и переключении стратегий поведения, а также принимать во внимание ограниченность информации и знаний о ситуации, что является имманентным условием экономического поведения в принципе. Все остальное является большой условностью. Конечно, разумно упрощать модели, вводить какие-то оговорки, но тогда и свойства моделей и теорий необходимо оценивать исходя из наличия этих ограничений. Неопределенность присутствует всегда и везде, и чем сложнее система, тем неопределенность выше, несмотря на постоянно и перманентно вводимые и изменяющиеся системы правил и ограничений. Различные теории и модели по-разному раскрывают именно проблему неопределенности. Это является базовой характеристикой современных подходов в экономической теории, и, безусловно, относится к институ-

циональной и эволюционной экономике. Ибо проблемы эволюция раскрываются на значительных интервалах времени, которые порождают высокую неопределенность. Временная протяженность оценок выдвигает требование к экономическому анализу, который обязан учесть обучение и самообучение агентов, в том числе при изменяющихся правилах и привычках. При этом мне хочется отметить, что рынок сам по себе не требует правил. В социуме потребность правил и не только в них, но и в благах возникает благодаря агенту. Только агенты требуют правил и их изменений и образуют рынок. Следовательно, рынок структура возникшая, если угодно, подневольная. Институты, которые якобы призваны защитить частную собственность по Ф. Хайеку, и принуждать выполнять контракты (хотя в обществе часто это различные институты), на самом деле обеспечивают возникновение иерархии прав, возвышая институт частной собственности, институт владения и наследования над иными институтами. Насколько это верно — вопрос сложный. Но одно можно заметить: у такого возвышения нет никакого научного обоснования, кроме как констатации, что частная собственность обеспечила прогресс капитализма, увеличение доходов и рост, что оправдывает закрепление такой иерархии.

Теперь нужно детально разобраться, в чем же видится пересмотр природы общественных наук и, в частности, экономики, насколько он возможен. Насколько правомерны и логически верны приводимые тезисы зарекомендовавшим и ставшим очень популярным старым институционалистом.

1. С первых слов задается установка о пользе эволюционных и институциональных идей. Действительно, еще А. Смит отмечал, что в экономике принимаются решения, которые не являются следствием замысла и целевого назначения, то есть возникают спонтанно, случайно. Однако наличие таких решений совсем не означает, что их доля в общем объеме решений преобладает. Ничего не известно о том, как такие решения взаимосвязаны и взаимодействуют с другими типами решений, а именно с теми, которые являются следствием и замысла и целенаправленных действий, порождающих затраты. Кстати, аспект затрат очень важен, насколько раз-

личные типы решений приводят к большим или меньшим затратам? В связи с этой неясностью, остается проблема по поводу утверждения о том, что социальный порядок может быть организован без централизованного управления. Да, какая-то регуляция возможна и без централизованного управления, но такие виды общественной организации остались далеко в прошлом, и на протяжении обозримого периода, особенно в последние столетия бурного и, как принято считать, успешного развития капитализма, приведшего к научно-техническому прогрессу и развитию наук и искусств, хотя существовало сильное обратное влияние, централизация управления присутствует в разных странах. Она принимает разные формы, проявляет различный масштаб — большой или меньший, но иерархия возникает, как способ самоорганизации общественной системы и мы не видим пока возможностей внеиерархической организации и управления. Более того, компьютерная революция, широкая информатизация многих процессов — производства, обмена, распределения, потребления, управления, порождает эффект локальной централизации, ибо сервер есть ни что иное как некий центр, собирающий информацию, обрабатывающий и распределяющий ее. Экономическая наука попадает в странную ситуацию: следуя базовых установкам о рыночной системе, о рынках, она как будто не видит эффектов централизации и новых форм управления и организации общества, а если и видит, то пытается приложить все интеллектуальные усилия для доказательства того, что рынки эффективнее, чем централизованное управление, какие бы формы оно не принимало. Это глупое положение, ни на чем не основанное и нечем на практике не подтверждаемое, потому что сравниваются несравнимые объекты, процессы, изначально неверно устанавливается соотношение между ними. Рынок порождает конкуренцию там, где она по существу не нужна и приводит к перерасходу ресурса за счет искусственного роста разнообразия, который экономическая наука не оценивает, не считает, не принимает во внимание ни в одной модели, ни в рамках «мэйнстрима», ни в рамках эволюционной экономики. Считается, что 60 видов колбасы и 200 видов шоколада — это здорово, что выпуск

одного и того же продукта различными фирмами — это реализация рыночного принципа конкуренции. Только здесь же экономисты-исследователи забывают одну простую вещь, которую сами же преподают студентам в элементарной микроэкономике. Когда продукт однородный и существует большое количество производителей (продавцов) и покупателей этого продукта, то предельные издержки стремятся сравняться с предельным доходом и прибыль стремится к нулю. Иными словами, ситуация совершенной конкуренции приводит систему к бесприбыльному развитию. Тогда возникает проблема: откуда взять инвестиции на расширение и инновации? И будут ли возникать потребности в инвестициях и инновациях в такой совершенной системе? Разумеется, не будут. Я имею в виду, что сами потребности могут возникать, но они не смогут быть удовлетворены, то есть это будут нереализованные потребности. Иными словами система будет в состоянии самоуспокоенности, равновесия, и ее неравновесность, как главное свойство эволюции, фактически, будет отсутствовать. При нулевых возможностях, а нулевая прибыль будет означать именно такое состояние, вероятно такое изменение мотивации агентов в гипотетической системе, что даже потребности будут стабильны, то есть они не будут изменяться, эволюционировать. Таким образом, подобная система никогда не существовала и не существует на практике. В связи с чем возникает некий фетиш-сказка о якобы полезности модели совершенной конкуренции, о необходимости стремиться именно к такой модели. Конечно, стоит сказать еще и о том, что нереально иметь одинаковых производителей в большом количестве, одинаковых потребителей, одинаковые сделки купли-продажи и т. д. Мы приходим к тому, что данная модель фиктивна, она полезна как задачка в учебном плане, но не более того. Привязывать критерии экономической эффективности к точке равновесия в рамках такой модели бессмысленно и уводит исследователя от подлинного понимания эффективности экономической системы.

Считается, что мэйнстрим исходит из представлений об абсолютной рациональности, что не отвечает наблюдаемым фактам, когда человек ведет себя ограниченно рациональ-

но (Г. Саймон). Кроме того, с появлением концепции эндогенных предпочтений эволюционисты связывают широкие перспективы в противостоянии с «мэйнстримом». Проблема в том, что со времени написания статьи Г. Беккером «О вкусах не спорят» мэйнстримовская точка зрения не изменилась: предпочтения индивидов заданы и стабильны в экономической системе. Активным противником этой идеи был Дж. Гэлбрейт, на которого, почему-то, стали мало ссылаться, в отличие от других экономистов, повторяющих уже этот протест и говорящих, что вкусы изменчивы и формируются самой экономической системой, изменяются при смене социально-экономического ландшафта, например, рекламы и иных психологических факторов. Тем самым, сдвиги в предпочтениях и выборе вводятся в процесс эволюции экономической системы, что повышает сложность анализа, но и приближает его к правдоподобной интерпретации. Вместе с тем, если это делает мэйнстрим — зачем упрекать его в таком совершенствовании? Это все равно, что упрекать человека, который отказался от курения или алкоголя, что он поменял принципы, но он же приблизил их к лучшему состоянию, а не к худшему. Та же аналогия относится и к «мэйнстриму». Мне кажется, что разрыв экономического знания и разведение его по принципам и условным допущениям порождает ненужное противоборство между теоретическими школами и является отражением организации самой экономической науки, то есть сферы, работающей и воспроизводящей знания, причем не всегда эффективно это делающей. Эта неэффективность передается самому знанию и его применению, интерпретации, порождая и не всегда адекватные концепции.

Включение в экономический анализ теории игр, экспериментальной экономики, бихевиоризма никоим образом не подтачивает основу «мэйнстрима», как считают многие эволюционисты, наоборот, происходит расширение экономического знания и взаимодействие принципов и подходов с единой целью: повысить адекватность описания, объяснения экономических явлений с тем, чтобы дать полезные рекомендации экономической политике. «Мэйнстрим» всегда исходил из ин-

крементального характера изменений и наличия или стремления к равновесию. Выше я показал неразумность задачи двигаться к равновесию. Но следует подчеркнуть, что далеко не всегда представители мэйнстрима считали именно так и ставили именно такую задачу, как движение к точке равновесия. Что касается инкрементального характера развития, то и эволюционная теория применяет этот принцип, наравне с анализом бифуркаций, состояния аттрактора и т. д.

Иными словами, более точное описание и объяснение нам необходимо исключительно в аспекте получения рекомендации и принятий решений в области управления. Кстати, это обстоятельство накладывает ограничение на масштаб требуемых уточнений и повышения уровня точности в описании и объяснении явлений экономики. Если это дает релевантное уточнение действий, повышает результативность мероприятий правительственной политики и действий иных субъектов экономической системы, тогда такие исследования, классификации, модели и т. д. полезны и оправдывают затраченные усилия на их получение. В противном случае совершенствование аппарата науки и игры в «рассуждения» превращают экономическую науку в «желтый дом», где умалишенные наклеивают марки на конверты, не отправляемые никуда, считая эту деятельность нужной и полезной. Хотя имеется мнение, что наука представляет собой сферы, где подобная деятельность, которая кажется на некоем отрезке бесполезной работой, спустя длительное время может «выстрелить» в нужном направлении и создать эффект подлинного прогресса развития экономического знания. Подобный аргумент, конечно, сильный, но им можно оправдать и обосновать какие угодно действия и решения в области науки, любое занятие.

2. Теория игр воспринималась как панацея для «мэйнстрима», когда стало ясно, что равновесный подход не применим. Однако нужно заметить, что исходные работы в рамках «мэйнстрима», экономистов еще 19 века и ранее, отнюдь не исходили и не делали такой уж акцент на некоем равновесии либо стремлении к нему. Иное дело, если речь идет и сбалансированном бюджете, платежном

балансе, устойчивой динамике цен в стране. Анализ и размышления в этой области поневоле принуждают экономистов размышлять в рамках балансовых схем. Теория игр как будто ниспровергла принцип абсолютной рациональности, но смогла ли она подтвердить принцип ограниченной рациональности, или показать адекватность принципа иррационального поведения агентов? Проблема в том, что агенты, участвующие в игре сильно зависимы в своих решениях от правил, установленных перед игрой, и что будет с самой игрой и агентами при изменении правила в рамках игры — вопрос открытый и нерешенный. Мне удалось показать, что изменение этих правил сильно повлияет на общее благосостояние системы, на перераспределение этого благосостояния между агентами, причем с явным нарушением статичных принципов экономики благосостояния (Парето-эффективности, Калдора — Хикса, Ситовски). Содержание игры также влияет на ее результат, но теория игр не дает ответа на вопрос сопряженности разных игр. А ведь в экономической системе взаимосвязаны различные игры, причем одна игра может замещать или дополнять другую игру, либо конфликтовать с ней. Тогда нужен аппарат, который бы изучал взаимодействие различных игр, различных стратегий, типов принятия решений. Ни «мэйнстрим», ни его оппоненты в лице эволюционных экономистов и эволюционной теории игр, все-таки не располагают таким аппаратом. Встраивание моделей искусственных миров, моделей, привлекающих аппарат искусственного интеллекта, немного смягчает ситуацию, но окончательного полноценного ответа не дает. Поэтому не стоит противопоставлять «мэйнстрим» и эволюционную экономику и рассуждать в терминах, что становится или станет со временем новым «мэйнстримом». Если будут убедительные инструменты объяснения, описания, прогноза и принятия решений, то именно они и будут использоваться. Перспективное направление развития экономической науки угадывается автоматически, исходя из наших рассуждений. Институты определяют выбор агентов, их решения, кроме того, они определяют и характеристики игры, ее содержание и даже в отдельных слу-

чаях задают, делают предрешенным результат игры, конкуренции. В силу наличия институтов конкурентную победу может одержать абсолютно неэффективный агент, либо агент с пониженным интеллектом и информационными возможностями. Оппортунизм и искажения информации оказывают здесь весьма ощутимое влияние. Тем самым, пересматриваются ранее считавшиеся общепризнанными тезисы науки о конкуренции и поведении агентов в экономике. Но ведь когда-то и Дж. М. Кейнс изменил базовые принципы макроэкономического анализа. Причем совершенно не считалось в тот период, что это спровоцирует крах «мэйнстрима» как некой статичной конструкции. «Мэйнстрим» как научное направление является развивающейся системой знаний. Поэтому постановка вопроса относительно нового или старого «мэйнстрима» представляется крайне неудачной. Экономическая наука должна и призвана решать стоящие задачи, определять, ставить их, и совершенствовать свой методологический познавательный аппарат, чтобы получать наиболее правдоподобные решения исходя из тех критериев верификации, которые удастся ввести и применить к полученным знаниям. Вопрос относительно того, должна ли наука усложнять свой аппарат и что считать усложнением, весьма важен. Ведь хозяйственная система усложняется, повышается уровень ее разнообразия, и следует ли усложнять инструментарий познания экономической действительности со стороны науки? Можно ли простыми методами «вскрыть» повышающуюся сложность. Видимо, ответ будет таков, что наука должна использовать все обоснованные средства познания явлений и, кстати, своими рекомендациями бороться против неоправданного усложнения экономической системы, поскольку повышение сложности способно снизить управляемость и эффективность развития. Подобно ситуации в физике, когда созданные на земле приборы обладают ограничением разрешающей способности, так, что невозможно увидеть ряд объектов на определенном удалении в силу этого ограничения, так и в экономической науке рост сложности является преградой для познания экономических взаимодействий, то есть выступает своеобразной разреша-

ющей способностью познания экономических явлений. Таким образом, «мэйнстрим» посредством аппарата теории игр, который развился на основе развития задачи Курно, включил в рассмотрение институциональные факторы, которые значимы как при анализе изменения стратегии игроков и рассмотрении форм и структур рынков, так и при анализе изменения спроса и предложения.

3. Справедливым остается утверждение Дж. Ходжсона относительно крупного изменения «мэйнстрима». С этой трактовкой следует определенно согласиться и, более того, подчеркнуть те моменты, которые не учтены в проводимом анализе. Важно то, что такое крупное изменение происходит за счет повышения роли «экономического империализма», то есть вовлечения в экономический анализ других дисциплин, расширение предметной области исследований, модификации принципов, например, рассмотрение динамических изменений, ограниченной рациональности и неполноты информации. Данное изменение сопровождается ростом плюрализма и снижением строгости анализа, еще большей релятивизацией экономической науки и фрагментарностью. Важные проблемы, на которые обращали поверхностное внимание в экономической науке, теперь вышли на первый план. Речь идет о принципе суверенитета потребителя. Если выбор может быть навязан кем-либо, то нужны иные модели, описывающие процедуру выбора. Более того, тогда экономисты и не имеют независимой кривой спроса, какой бы наклон она не имела. В таком случае модели и схемы, предполагающие введение кривых предложения и спроса обязаны установить зависимость между кривыми спроса и предложения как графическую, так и аналитическую. Иначе мы располагаем просто ложными представлениями. Когда анализируем факторы сдвига кривых, например, шоки спроса или предложения и пытаемся объяснить кризисные явления 1930-х или 1970-х гг., то необходимо принимать во внимание степени разрушения данного принципа в указанные периоды и в современной экономике. Иначе ни на какое правдоподобие рассчитывать не придется. Привлечение социологии, психологии, права, биологии не создаст правильный

образ экономической науки, да и что считать этим правильным образом? Предшествующие поколения крупных экономистов, долго рассуждая на эту тему, видимо, были правы в одном: экономическая наука будет представлять совокупность методов, пригодных для применения по частным вопросам, для решения конкретных задач. Но я бы сделал акцент на управлении, обосновании решений, мер экономической политики и решения центральной проблемы, которая породила экономическую науку как систему знаний — эффективного использования богатства, сохранения и приумножения элементов богатства. Поэтому К. Эрроу, которые считал, что биологические аналогии, в отличие от механических, так длительно применявшихся в экономической науке, станут своеобразной альтернативой и приведут к изменению установок, формирующих экономическую теорию, я бы ответил так: исходная постановка задач науки, которые привели к необходимости ее возникновения должны определить и ее будущее и используемые методы и аналогии, которые применимы как в синтезе, так и в анализе, и в системной совокупности, комплексно, если позволяют отвечать на поставленные проблемы и обеспечивать движение экономической системы в данном направлении. Проблема богатства, его распределения, сохранения — это проблема ресурсообеспечения, и эффективности, справедливости и поиска форм общественной организации, позволяющей выполнять перечисленные установления. В этом ключе полезны и установки «мэйнстрима» и эволюционной экономики. Но еще важнее объективное рассмотрение явлений, например, конкуренции. Если эволюционная экономика будет также фетишизировать какие-то ее формы подобно «мэйнстриму», превозносящему совершенную конкуренцию, оправдывая капиталистическую форму организации, которая устарела и не отвечает экономике, где знания и творческие способности с каждым днем превышают возможности капитала и его организации, то именно этот фундамент следует изменить, то тогда не пригодны никакие теории, принципы и подходы. Мы должны понять, что нет идеальных форм в общественной системе — и это главное свойство ее эволюции. Эволю-

ции общественной системы, где экономика является лишь одной, пусть и центральной ее частью, элементом. Капитализм выступает как неоптимальная форма организации, превосходящая одни общественные институты над другими, выстраивающая неэффективную иерархию.

4. Надежда относительно экспериментальной экономики, на мой взгляд, требует иной трактовки, нежели та, что представлена Дж. Ходжсоном. Интересен стиль подачи материала этим экономистом. Он ссылается на отдельные работы исследователей, подавая их позицию за абсолют известного в рамках данного направления науки, тем самым как бы привязывая уровень развития данного направления науки к этому исследователю (иногда одному, иногда группе, не очень большой). Представляется такой подход методологически неточным и даже предвзятым. Интересно отметить, что если агенты ведут себя не рационально в подавляющем числе случаев, то считать ли поведение агентов, изучающих какой-то предмет, проводящих исследования также нерациональным в получении и интерпретации знаний? Если «да», то на что вообще можно рассчитывать в области экономического анализа? Экспериментальная экономика воспроизводит лабораторный эксперимент в условиях, близких к реальным, то есть используется правило постановки эксперимента, известное в физике, механике, инженерных науках. Важным обстоятельством такого экспериментирования выступает проектирование институтов, определяющих функционирование субъектов в процессе эксперимента. Однако неверно считать, будто экспериментальная экономика развивает «мэйнстрим» и имеет весомые ограничения с точки зрения эволюционных принципов. Это не так, поскольку здесь мы сталкиваемся, опять-таки, с эффектом фиксации интеллектуальной схемы или конструкции, что является необоснованным приемом. Раз возможен эксперимент, то он же может предполагать изменение правил в процессе эксперимента, правила совершенно не должны быть статичны. Таким образом, экспериментальная экономика позволяет решить методологическую неразрешимую проблему изучения институциональных из-

менений, когда невозможно оценить эффекты институциональных изменений, пока они не завершены в реально эволюционирующей экономической системе. Конечно, совсем на 100% снять это ограничение не удастся, ибо эксперимент есть эксперимент, он не может учесть весь набор релевантных факторов. Тем не менее, полезность такого подхода в экономической науке, где существуют объективные трудности с опытом и верификацией знания посредством опыта не вызывает сомнений. Тогда удастся оценить эффекты институциональных изменений лабораторно. Фактически, констатируется наличие весомых ограничений в применении имитационных и агентских моделей, не говоря уже об оптимизационных моделях, которые широко использовались в «мэйнстриме».

5. Рациональность агентов детерминирована экономической ситуацией. Она существует всегда, как я показал в своих работах [3; 4]. Этот принцип незыблем и неверно критиковать «мэйнстрим» за то, что он принимает этот принцип основным. Другое дело — принцип равновесия или полноты информации, здесь необходимы модификации. Рациональность же присутствует всегда, важен лишь ее критерий и его применимость в конкретных обстоятельствах выбора. Верно Смит показал подобные же вещи не только логически, но и экспериментально. Однако все равно выводы относительно использования представлений о рациональности делаются не совсем корректные.

Очень важная с точки зрения методологии проблема состоит в том, что в экономике агенты ведут себя по-разному. Конечно, рациональные мотивы имеют место, но также имеют место и нерациональные модели поведения. Однако, для обобщения и агрегирования важно, каких все же моделей больше, и в какую сторону направлен общий вектор реакций агентов. Данное уточнение является принципиальным. Его можно распространить на любые рассуждения и споры в области методологии и выбора того или иного принципа или модели. Сказать, что агенты ведут себя иррационально — ничего не значит с точки зрения науки. Нужно подтвердить весомость такого поведения и показать случаи, либо обстоятельства, когда оно релевантно и должно

приниматься в рамках экономической науки за базовую модель или принцип. Когда решения агентов касаются денег, они с большой вероятностью рациональны и доля нерациональных решений будет наверняка мала. Однако следует отличать еще рациональные и нерациональные решения или модели поведения агентов и ограничивать их от ошибочных решений. Ошибочное решение вряд ли стоит именовать рациональным, как и нерациональным. Поскольку и в том, и в другом случае оно может оказаться ошибочным, то есть неверным. Например, если решение принято агентом абсолютно рационально, исходя из необходимости получить наивысшую прибыль. Действительно, казалось бы, такая прибыль должна быть получена. Затем вмешиваются факторы, порождающие дополнительные риски, которые невозможно учесть при принятии решения, и агент получает не только нулевую прибыль, а терпит убытки. Однако модель его поведения была абсолютно рациональной. Он мог поступить альтруистически (нерационально) и принять совершенно нерациональное решение, которое в этих же обстоятельствах привело бы его к получению пусть небольшой, но зато ненулевой прибыли. Обратим внимание, что альтруизм воспринимается экономистами как иррациональное поведение, которое раньше в «мэйнстриме» не рассматривалось и не считалось рациональным. Но почему рациональным признается только то, что приносит материальную выгоду? Ведь альтруистически можно вести себя в силу стремления к самоутверждению, став благотворителем, благодетелем каких-то людей, данный агент испытывает самоудовлетворение. Более того, он может видеть в этом свое предназначение, целевую функцию хозяйственного существования и вообще бытия. Такой вид выгоды почему-то не рассматривается как выгода. Однако отсутствие подобной трактовки говорит лишь о халатном отношении науки к различным вариантам выгоды, но отнюдь не означает, что эта выгода отсутствует, поведение является нерациональным (иррациональным). Оно иррационально с позиций исходного критерия рациональности, как и его представили — экономисты, условившиеся считать так, а не иначе. В таком случае возникает вопрос: верен ли сам критерий рациональности, который

введен? Вместо того, чтобы так поставить вопрос, экономисты институционального и эволюционного направления выдвигают некие сомнения по поводу «мэйнстрима». А подобная постановка вопроса способна ограничить «успешное» толкование этого принципа и в рамках их школы эволюционной экономики.

Возвращаясь к утверждению о смене природы общественных наук, важно понять, что имеется в виду. Здесь важно принять во внимание, что вообще считается природой общественных наук. Если это — научный метод, как метод познания действительности, то маловероятно, чтобы его можно было кардинально пересмотреть. Научный метод познания в экономике предполагает наличие научной любознательности, которая формирует исходные гипотезы о поведении элементов экономической системы, например, спроса и предложения, применение логического анализа (ретроспективного, сопоставительного, эмпирического и др.) с доказательством выдвигаемых гипотез для объяснения и описания тех или иных изменений. Доказательство обеспечивает возникновение точной информации или существенного знания, которое провоцирует дальнейшую любознательность в сфере научного поиска. Этот круг затем повторяется. Изменение этого «круга», если под этим понимать изменение природы общественных наук, а также иное использование методов познания — индукции, дедукции, анализа и синтеза, возможно при условии, что удастся представлять знание общественных наук и главным образом экономики как нашей дисциплины, изменяющимся по ходу экономических изменений вместе с ними, а также представлять изменение реакций агентов в зависимости от экономического знания. Иными словами, требуется создавать гибкое знание, которое предполагало бы использование различных допущений и исходных установок.

Когда проектируется что-либо, изделие, либо знание, то логика поведения требует исполнения неукоснительных принципов. В области решения проектировочных задач такими принципами являются два основных: учета эволюционных изменений и создания новой комбинации или новых свойств. Тем самым, отрицать какой-либо одной научной

школой другую не просто недальновидно, но является пустой затеей, как и соперничать. Скорее всего, соперничают несовершеннолетние люди, ограниченные люди-исследователи, которые в силу разных жизненных обстоятельств и даже реальных собственных достижений могут быть наделены статусом корифея данного научного направления. Знание же не может быть «порванным», не может лишиться своей первоосновы. Я не говорю уже о том, что с течением времени устаревшая позиция или достижение могут обнаружить расцвет с новой силой. Это также становится закономерным свойством эволюции современного экономического знания.

(Окончание статьи в №4)

Литература

1. *Барр Р.* Политическая экономика. В 2-х т. — М.: Международные отношения, 1995. — Т. 1, с. 500–501.
2. *Ходжсон Дж.* Институциональная и эволюционная экономика как новый «мэйн-стрим»? // *Экономический Вестник Ростовского государственного университета.* — 2008. — Т. 6. — №2. — С. 8–21.
3. *Сухарев О. С.* Институциональная теория и экономическая политика. В 2 т. — М.: Экономика, 2007.
4. *Сухарев О. С.* Экономика будущего: теория институциональных изменений (новый эволюционный подход). — М.: Финансы и статистика, 2012.

Поступила в редакцию

8 апреля 2015 г.

Олег Сергеевич Сухарев — Доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором Институционального анализа экономической динамики ИЭ РАН. Исследователь в области институционально-эволюционной экономической теории, макроэкономики, экономики промышленности, технологических и структурных изменений, теории инноваций и инвестиций, региональной экономики, проблем организации экономических исследований.

Внес вклад в теорию институциональных изменений, теорию эффективности экономики и экономического роста, управления промышленными системами и оценку эффективности инвестиций. Разработал концепцию дисфункции экономических систем и институтов, модель неошумпетерианской конкуренции «новатор-консерватор», принцип «комбинаторного наращения» и модель появлений новых комбинаций в экономике и др.

Oleg Sergeevich Sukharev — Ph.D., Doctor of Economics, professor, head of IE RAS Institutional Analysis of the Economic Dynamics research sector. Well-known scientist in the field of institutional and evolutionary economic theory, macroeconomics, economy of the industry, technological and structural changes, innovations and investments theory, regional economy, organizational problems of the economic researches.

Author made a major contribution to the development of the theory of institutional changes, theory of the economic efficiency and economic growth, management of the production systems and valuation of the investments. He worked out a concept of economic systems' and institutions' dysfunctions, a neo-Shumpeterian model of competition (“innovator — conservative”), principle of “combinative growth”, a model of the new combinations' appearance in the economy, etc.

117218, г. Москва, Нахимовский просп., 32
32 Nakhimovskiy pr., 117218, Moscow, Russia
Тел.: +7 (499) 724-13-89; факс: +7 (499) 129-08-88; e-mail: cee@inecon.ru, o_sukharev@list.ru